

the composition of the names in the tax sphere in the Ukrainian language, to provide a detailed description of the origin, semantic and structural features of their functioning. Groups of tax nominations are described in chronology and by objects and subjects of taxation. The work allocated to the following groups nominations of tax sphere in the Ukrainian language: names of taxes and fees, subjects of the taxation process, certificates and documents certifying the status of taxpayers, places of tax collection, etc. are distinguished. Derivatives are most often structurally and semantically correlated with nouns, adjectives and verbs. The most productive were the derivatives formed by the morphological-syntactic and the morphological method. The semantics of names are mostly transparent. The results of the research allow to state the systematic organization of the subject group "the nominations of taxes" and their lexical-word-formation heterogeneity.

Keywords: *names of tax sphere, taxes and duties, obligation, lexical-semantic group.*

Т. В. Стась
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

НАЗВАНИЯ УГОДИЙ, РАСЧИЩЕННЫХ ПОД ПАШНЮ ИЛИ СЕНОКОС, СВЯЗАННЫЕ С ВЫКОРЧЕВЫВАНИЕМ ПНЕЙ И КУСТАРНИКА

Статья посвящена одной из актуальных проблем исторической лексикологии – лексико-семантическому анализу частной терминологической системы, которая функционировала в XIV–XVI вв. Ее целью является характеристика способов номинации участков пахотной и сенокосной земли на территории Северо-Западной Руси XIV–XVI вв. В поле зрения находится комплекс вопросов, освещающих процесс формирования лексики земледелия и сенокосения в генетическом, семантическом и функциональном аспектах. В научный оборот вводятся факты лексики и топонимии, позволяющие расширить представления о роли и значении сельскохозяйственной терминологии, дается их характеристика с точки зрения происхождения и функционирования на различных этапах развития русского языка.

Ключевые слова: *историческая лексикология, лексико-семантическая группа, предметно-логическое значение слова, полисемия, вариативность компонентов.*

В памятниках письменности Северо-Западной Руси XIV–XVI вв., где во всех подробностях рисуется картина подсечно-огневого земледелия, лес отмечался как одна из обычных категорий лесного угодья. Суровый климат, заболоченность, малопродуктивная, зачастую каменистая почва делали здесь, на севере, особенно трудной разработку лесных участков под полевою пашню. Крестьяне в лесу жили догосударственной жизнью, парными или большими семьями, вне сферы власти и давления общины, отношений собственности и эксплуатации. Подсечное земледелие строилось как система хозяйства, основанная на отсутствии собственности на землю и лес. При необходимости крестьянской семьей захватывался и расчищался новый участок в лесу, стволы деревьев при этом подсушивались и сжигались, зола вносилась в почву. Земля обрабатывалась мотыгой или бороновалась

“суковакой”, и участок был готов для эксплуатации в течение трех-четырёх лет, после чего почва истощалась и необходимо было осваивать новый участок, переходя на новое место. Как видим, процесс закладки поля в лесу в своем развитии претерпевал несколько этапов, определяющих названия участков леса, подготовленных под пашню или сенокос.

Целью данной статьи является лексико-семантический анализ наименований участков пахотной и сенокосной земли на территории Северо-Западной Руси XIV–XVI вв., а также описание процесса формирования лексики землепашества и сенокосения в генетическом, семантическом и функциональном аспектах.

В основу характеристики лексики подсечно-огневого земледелия изучаемой территории нами положен признак “способ подготовки к использованию”: подсекание, выжигание выкорчевывание (“выдиране”) пней и кустарника. Объединенные в лексико-семантической группе лексемы синонимичны: они употребляются для обозначения одного и того же понятия и являются близкими или тождественными по значению. Многообразие их, на наш взгляд, характеризует определенный момент становления земледельческой терминологии – накопление лексических средств (это характерно для всей системы языка анализируемого периода). Названия участков земли, расчищенных под пашню или сенокос, вступают в родовидовые отношения с лексемой *земля*, называющей любой “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”.

В анализируемую группу вошли такие лексемы, как *дрянь*, *дорь* (*дорище*), *деревня*. Рассмотрим некоторые из них.

Дрянь. В памятниках новгородского и псковского происхождения XIV–XVI вв. лексема *дрянь* характеризуется значением “росчисть”.

Дрянь – лексема собственно русского происхождения индоевропейского характера. Глагол образован с помощью суффикса *-ати-* от основы *дър-*, соответствующей лит. – *dĩrti* – “сдирать”, греч. *derō* – “деру”, готск. *distairan* [17, с. 132]. Изменение *p > p'* связано с диалектными фонетическими колебаниями [там же, с. 136]. Не исключена возможность, что на смягчение согласного *p* в слове *драть* оказал влияние глагол *дряпать*, отмечающийся в говорах русского языка со значением “драть, царапать” [4, I, с. 497]. Сравните также русское диалектное слово *дрянина* (“содранное”), произведенное от *дряный* с помощью суффикса *-ин-*. В исследуемых материалах глагол *дърати* отмечен в значении “вырывать, выкорчевывать”, представленном “Словарем русского языка XI–XVII вв.” [17, 4, с. 350]. Приведем наш пример: *Бүрею драдо сады многини и хоромы, да бүрею же весь лѣсъ и Главина выдрало, прибило къ великому мосту в Новгороди* (ИЛ, 85, 1552 г.).

Глагол *драть* фиксируется в русских говорах: *драть* – “пахать целину” [17, с. 18] и в некоторых сибирских говорах; в сочетании *драть целину* с XIX в. он известен тверским и калужским говорам [16, 8, с. 175]; в значении

“пахать лесную новину, росчисть” он фиксируется в восточных говорах [4, I, с. 490]. В чудовских говорах новгородской области, кирилловских и тихвинских *драть* – “распахивать целину или место с выкорчеванными деревьями”, в волховских – “пахать” [12, с. 47–50].

Лексему *дрань* можно противопоставить лексемам *гарь, жарь, паль*. *Дрань* обозначает “участок леса, подготовленный для пашни посредством выдирания пней и корней, без сжигания”. *Гарь, жарь, паль* – “участок леса, выжженный для пашни”. В плесецких говорах Архангельской области отмечено: *Пал – палом, а дрань – дранью; пал – все сгорит, а у драни пенья малыньки, они выдираются, а пал – матерый лес секут*. С указанной семантикой известна лексема в пудожских говорах. В значении “вспаханная целина” “Словарь русских народных говоров” [16] отмечает лексему *дрань* с пометой “пенз.”; *драни подрать* (“вспахать целину”) в онежских былинах Гильфердинга: *дрань* (“вспашка целины сохой”) отмечено в вятских и пензенских говорах [16, 8, с. 174].

Лексема *дрань* отсутствует в “Материалах” И. И. Срезневского [19] и в “Материалах” Г. Е. Кочина [8], нет ее и в “Словаре русского языка XI–XVII вв.” [17]. Однако в памятниках письменности Новгородской земли XV–XVI вв. отмечены примеры использования лексемы *дрянь*, также отсутствующей в “Материалах” И. И. Срезневского. В “Материалах” Г. Е. Кочина *дрянь, дрянь навалище* – “урочище” [8, с. 106], отмечена в Северных и Двинских грамотах. “Урочище” представляется нам слишком общей характеристикой значения лексемы. Мы располагаем материалами, позволяющими дифференцировать семантику лексемы *дрянь*. В наших материалах лексема *дрянь* отмечена в значении “участок леса, подготовленный для пашни посредством выдирания пней и корней, без сжигания”, т. е. *дрянь* – “росчисть” [15, 4, с. 367]: *через боръ логомъ дрянь к великому мху, черес великон мохъ да в черной лѣсъ; а от верховья Вольня да в черной лѣсъ дрянь, от верховья Борового рѹчья направо дрянь во Пшаскѹю вѣтъ* (ГВНП, № 116, XV в.); *Ободъ тон земли от ѹсть Хмелева рѹчья <...> по Хмелеву рѹчью вверхъ до пѹти <...> ино от того пѹти черес наволоки дрянь тысяча сажень до грядицы, что Ондрѣи грядици приложилъ* (там же, № 255, XV в.); *в Рядной грамоте о землях, оставшихся по смерти Федора Максимовича, между наследниками его говорится: <...> съ оснновой границы на еловѹю границу, съ еловой границы на березовѹю границу, съ березовой границы дрянь къ мосткѹ, а отъ мосткѹ дрянь къ Микитина сына межн* (там же № 330, XV в.); *И положиша промежи себя межѹ роскладнѹю: <...> на ели посередь Василева репища да в дѹб во грелый, на дѹба дрянь и мостица, из мостица дрянь на валища да во Твекѹ рекѹ* (ИЛ, 122, XV в.).

Со временем лексема *дрянь* утратила значение “участок леса, подготовленный для пашни посредством выдирания пней, корней, без

сжигания”. В современном русском литературном языке лексема *дрянь* с указанной семантикой не употребляется. Впрочем, в современных ярославских говорах зафиксировано собирательное существительное *дрянье* со значением “выполотая трава” [16, с. 23].

Следует отметить, что слово *дрянь* известно русским народным говорам в значении “участок леса, подготовленный для пашни посредством выдирания пней и корней, без сжигания”. Лексему *дрянь* можно считать “северной”. Ее ареал охватывает бабаевские, онежские, пудожские, плесецкие говоры. “Опыт областного великорусского словаря” отмечает использование в вологодских говорах лексемы *драки* во множественном числе с семантикой “вновь расчищенное из-под леса место” [12, с. 5]. В. И. Даль отмечает *драки* с пометой “влгд.” [4, I, с. 480] со значением “дор, подсека, чищоба, кулига, росчисть, починок”. В современных вологодских и ярославских говорах *драка, драки* – “вновь расчищенное место из-под леса, подсека, а в ярославских *драка* еще и “мелкий кустарник”, в костромских – “сенокосное поляна в лесу” [16, 8, с. 170].

В современном русском литературном языке слово *драка* с семантикой “расчищенное из-под леса место” не зафиксировано.

Деревня. Собственно русская лексема деревня засвидетельствована в русской письменности с XIV в. (“Повесть временных лет”): ***И зажгоша болонье около града, и възвратишася въ монастырь, и выжгоша Бтееанечь монастырь, и деревнѣ, и Германты*** [19, I, с. 653]. В “Материалах” И. И. Срезневского слово *деревня* представлена без дефиниций.

Лексема *деревня* (“место, очищенное от леса”) образована от общеславянской лексемы *дерево*, имеющей точные соответствия в балтийских языках (основа *der-*, выступающая на иной ступени чередования как *драть*, ср. лат. *dervá* – “сосна”; эта же основа, но неосложненная суффиксом, выступает в др.-инд. *dōri* – “дерево”, греч. *dory* – “дерево, этимология, возводящая это слово к *драть, дереу*). А. А. Потебня производил это слово от корня *-дер-* – *драти* – “выдирать в лесу корни и пни деревьев”. Отсюда *деревня* – “выдранное и очищенное место для пашни и сенокоса” [14, с. 11]) (откуда первоначально *деревня* – “место, очищенное от леса, земля, пашня”), не учитывая словообразовательных процессов: *деревня* восходит непосредственно не к *драть, дереу*, а к *дерево*, и лишь через это последнее связывается с *драть*.

В “Материалах” Г. Е. Кочина отмечается, что в древней Руси лексема *деревня* засвидетельствована в двух значениях: 1. Селение. 2. Единица податного обложения [8, с. 92]. А. Г. Преображенский трактует лексему *деревня* как “селение без церкви” [15, I, с. 218].

Отмеченные значения не полностью освещают лексико-семантический объем лексемы *деревня*. Северное *деревня* не только “поселение”, но и “поле”, “пашня”, “новь”, “росчисть”, “ропашь”.

Характеризуя глагол *разделати*, Г. Е. Кочин приводит: “*Разделати деревню на лесе*” [8, с. 295], где *деревня* явно “расчищенный участок леса”. Значение лексемы *деревня* – “участок леса, расчищенный под пашню” считается более ранним, чем другие значения лексемы. С этим значением лексема *деревня* отмечена А. А. Потемной [14, с. 11], который считает, что *деревня* это – “вытерблываемое и очищенное от леса и зарослей место для нивы”, через значение “пахотное поле” к значению “пахотное поле и двор в нем” и “поселение”. Противоположную точку зрения высказывает А. Я. Ефименко [5, с. 231–232], считающая, что в лексеме *деревня* слились значения “жилье, населенное место, земля”, и только значительно позже содержание лексемы распадается, при этом выделяется два значения – “селение” и “пахотная земля”. Таким образом, по мнению А. Я. Ефименко, *деревня* первично – целое деревенское хозяйство. Мнение А. Я. Ефименко разделяет С. Е. Веселовский, считающий значение лексемы *деревня* синкретическим, первично определяя *деревня* как комплекс земель различного назначения, приобретающих определенный устойчивый характер в процессе их приспособления к нуждам хозяйства.

Придерживаясь мнений Ф. П. Филина, А. А. Потемни, Н. И. Шанского, В. В. Иванова, считаем значение лексемы *деревня* как “участок леса, расчищенных под пашню, рощисть” более ранним.

Процесс подготовки участка леса – деревни для использования его под пашню ясно виден из практики раскольников и колонистов, пришедших на покрытые лесом берега реки Выг (Карелия) в XVII в. Сначала на большой площади вырубался лес, затем выкорчевывались пни и корни, после пни, корни и ветви сжигались. Полученная зола использовалась как удобрение на месте новой пашни. Потом расчищенное и удобренное место возделывалось под посев жита и озимой ржи. Именно о такой *деревне* говорится в Лодомских Актах в Порядной грамоте крестьянина Василия Иванова от 5 мая 1681 г. на церковную землю, взятую в аренду на десять лет: ***И ту десять лет мне <...> та тяглая дѣревня орать и сеять и сено косить на себя самому.***

В изучаемых памятниках письменности лексема *деревня* отмечена нами в значениях: 1. Расчищенный участок леса, используемый под пашню и сенокос. 2. Расчищенная от леса обрабатываемая земля с селением. 3. Расчищенная от леса обрабатываемая земля с селением и угодьями. 4. Топонимическое наименование.

Лексема *деревня* в значении “расчищенный участок леса, используемый под пашню и сенокос” отмечается в XV–XVI вв. Новгородскими грамотами, писцовыми книгами, Актами Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Так, в Новгородской данной XIV–XV вв. указано: ***По наказу родителей своихъ, отца моего и дѣда, далъ єсми въ Миндлѣшѣ двѣ дѣревни на Пинѣшѣ далъ єсми три***

деревни (АЮ, № 110); *Далъ Спасу в домъ на Головки и чудотворцамъ вкладу деревню на Прилуки. А земли бес четвърти обжа. А хлѣба сѣяно емь коробен жита да коровья ржи* (ГВНП, № 329); *а другую половину тое деревни Андрейко да Гаврилко пашутъ на себя, сѣютъ ржи 2 коровья, а сѣна косятъ 15 копенъ, обжа* (НПК II, с. 107); *Деревня Шчи Дмитровская Козонского, что ее Федор выменял у Гома у Линева, пуста, пашутъ ее христиане наѣздом, сѣютъ ржь двѣ коровьѣи, а сѣна косятъ дватцать копенъ* (НПК II, с. 26); *Д. Чеботова Гора пуста, а пашетъ ее племянникъ на сова наѣздом, сѣетъ ржи двѣ коробен, а сѣна коситъ дватцать копенъ, обжа* (НПК II, с. 23).

Пахати наѣздамъ, косити – обрабатывать землю, находящуюся вдали от селения, “пахать, косить на дальних пустошах, взятых в наем” [17, 10, с. 85]. В приведенных примерах отмечается, что *деревня пуста*, т. е. не населена, это – обрабатываемый участок земли, в примерах приводятся ее размеры – количество обож. Все это служит подтверждением нашему мнению о том, что в новгородских памятниках XIV–XVI вв. лексема *деревня* использовалась в значении “расчищенный участок леса, используемый под пашню и сенокос”. Приведем еще несколько примеров использования лексемы *деревня* в рассматриваемом значении: *Дер. Старково на Островском озере пуста; писана была обжею* (НПК II, с. 83); *Д. Новина пуста: писана была обжею, а земли подъ нею на пол-обжи* (НПК II, с. 29).

В XVI в. лексема *деревня*, как отмечает Б. А. Ларин, утрачивает значение “росчисть из-под леса для пахоты” [11, с. 57]. Анализ контекстологического материала позволил обнаружить лексему *деревня* с семантикой “расчищенная от леса обрабатываемая земля с селением”: Так, в Списке с грамоты великого князя Василия Ивановича читаем: *за рѣкою за Двиною нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ на лѣсу на черномъ; а дворы и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали от вѣка: <...> велѣти имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистити и лѣсы сѣчи, и дворы ставити, и людей къ себѣ звати, да и пашни пахати <...> и пожни поколодезь и лѣсъ розсѣкуть, и дворы поставятъ, и ково къ себѣ на тѣ мѣста призовутъ людей жити* (АХУ II, X, 1524 г.). В Порядной на пять лет в Спасскую деревню Кустовскую отмечаем: *И въ ту намъ пять лѣтъ та деревня сѣяти и орати, и гной на землю возити, и пары парити; а во дворѣ намъ поставитан мылня новая, а иные хоромы почивати* (АХУ II, XXXVII, 1560 г.). Указанное значение близко к значению, отмеченному А. А. Потемной [14, с. 10], который рассматривает *деревню* как “отдаленное по расстоянию поселение, двор, хутор, образовавшийся на разработанном участке земли”. Наши материалы позволяют привести примеры, в которых *деревней* является одно хозяйство – один двор. Именно одно крестьянское хозяйство нередко в феодальной вотчине понималось как *деревня*: *Д. Дубы:*

дв. Демидко Овсѣевъ, сѣетъ ржи пол-трети коробы, а сѣна коситъ 15 копенъ, обжа (НПК II, с. 3); Д. Мартюхово: дв. самъ Ушакъ, сѣютъ ржи восемъ коробей, а сѣна коситъ сто копенъ, три обжи [там же, с. 8]; И убыла деревня, двор, человѣкъ, а обжи пол-шесты обжи (НПК II, с. 46).

Наши материалы позволили выделить деревни, в которых четыре и больше дворов, например: *В деревне Дорка – десять дворов (НПК I, с. 437); В деревне Поля шестнадцать дворов, в некоторых деревнях был 71 двор и жило в них 34 человека [НПК I, с. 438].* На проживание в деревнях феодальной России двух и более человек указывал Ю. Г. Алексеев [1, с. 156]. Наши материалы позволяют нам полностью согласиться с мнением Ю. Г. Алексеева.

Дворы в деревнях могли быть и пустыми, т. е. в них никто не жил или в них было недостаточно земли для сельскохозяйственного использования: *Да въ деревне въ Подсекѣ дв. боярский пѣстѣ, писан былъ двѣмя обжами, а земли подъ нимъ на обжу (НПК II, с. 331); Въ деревнѣ въ Ляколовѣ, на Головинѣ половинѣ: дв. Самойлкѣ Осташевъ, да дв. пѣстѣ, а выть того двора Самойлик на себя пашет, сѣет ржи 3 коробы, а сѣна коситъ 20 копенъ (НПК II, с. 114); Въ дер. Въ Трусовѣ: дв. пѣстѣ, писанъ былъ обжею, а земли подъ ним на пол обжи (НПК II, с. 29).* Современники, отмечает Г. Е. Кочин, не считали возможным называть *деревней* то поселение, в котором земледельческая база не была в должной мере прочно обеспечена [9, с. 109]. Угодьями, принадлежащими людям, жившим в деревнях, были обработанные пашни, сенокосы, леса, а также озера: *А угодыя у тѣхъ деревень: въ озерѣ въ Котолинѣ два участка, а въ озерѣ во Клетнѣ два жеребья (НПК II, с. 6).* Лексема *участокъ* в значении “владение; доля в земельных и в водных угодьях” фиксируется, преимущественно, на территории северо-западной Руси [9, с. 378]. Лексема *жеребей* в предложенном примере представлена в значении “доля в угодье, в общем владении”. В Купчей Федора Онцифорова на *пол-деревни* с угодьями отмечаем: *и язъ свою пол-деревни прдалъ безъ вывѣта, дворъ и дворище, и орамые земли и пожни, и съ морскими пожнями, и со всеми угодыи (АХУ II, XIII, 1527 г.); в Закладной Наравалде в 3 рублиах на жеребей земли Неклюдовской: <...> деревни Федоршинскіе горніе земли и луговые, и пожни, и съ ловищи, и съ всѣми угодыи, и съ рожью, что на той землѣ (АХУ II, XLII, XVI в.); в имъ Евсевіевъ <...> купилъ есми землю <...> на Лодмѣ <...> 2 участка <...> во всей деревни и въ дворѣ 2 участка, и въ дворищахъ, и въ орамышъ земляхъ, и въ пожняхъ, и въ притеребахъ, и въ подскотникахъ, и въ перевесищахъ, и въ путникахъ, и во всякихъ угодыяхъ, что къ той землѣ изъ старине потягло (АХУ II, XVII, 1530).* В предложенных примерах лексема *деревня*

употреблена в значении “расчищенная от леса, обрабатываемая земля с селением и угодьями”.

Из деревни могло выделиться однодворное хозяйство (земля, двор, угодья), которое располагалось на *выставкѣ* (*выставочкѣ* – уменьшительное к *выставокъ* [17, 3, с. 259]. Лексема *выставокъ* в наших материалах отмечена с семантикой “отдаленный двор, вынесенный за пределы основного владения (обосновавшееся однодворное хозяйство, выселки)” [там же]: ***Деревня Давыдована рѣке на Вешкѣ <...> Да тоє ж деревни выставокъ другой двор по конец поля*** (НПК IV, с. 350); ***Придали им писцы къ старому нухъ помѣстью въ придачу деревень и съ вопчими 16, да 2 починка, да выставокъ, да 3 выставочка выставились изъ старыхъ деревень на той же пашни послѣ писцовъ*** (НПК IV, с. 571).

Следует отметить, что в новгородских памятниках письменности встречаются конструкции, компонентами которых является лексема *деревня* и слова *починокъ*, *пустошь*, *селищю*, *село*, *сельцо*: ***И всехъ деревень за Бомомъ по старому писму и съ селцомъ дватцать и семь деревень, а дворовъ 40 безъ одного*** (НПК II, с. 36); ***А по новому писму селець и деревень 6*** (НПК II, с. 951); ***И по новому писму деревень и съ сельцом 11 да починокъ*** (НПК II, с. 102); ***Аросшееся селение, состоящее обычно и по новому писму деревень и съ пустою деревнею четыре да пустошь*** (НПК II, с. 488); ***И прибыли въ той во всехъ погослости 2 деревни да 2 починка*** (НПК II, с. 702); ***А по новому писму во всехъ шти погостехъ деревень и съ селы сто и одна деревня да починокъ*** (НПК II, с. 291).

Как следует из приведенных примеров, значение лексем *деревня*, *починокъ*, *пустошь*, *селищю*, *село*, *сельцо* разграничено, – они обозначают разные понятия.

На различие в значениях лексем *деревня* и *починокъ* указывали В. О. Ключевский и М. Н. Тихомиров – “разросшееся селение, состоящее обычно из нескольких дворов [7, с. 374]: ***Д. Борокъ: дв. Васко Торухъ*** (НПК II, с. 8); ***И прибыли две деревни, пять дворовъ, четыре человекѣки, двѣ обжи*** (НПК II, с. 52). Лексема *починокъ*, по мнению историков, имела значение – селение обычно из одного двора, возникшее впервые на расчищенном участке. Наши материалы позволяют не согласиться с этим: ***И прибылъ починокъ, а дворовъ 9, а людей 8 человекъ, а обиж 7*** (НПК II, с. 656); ***И прибыли 2 деревни да 2 починка, а дворовъ въ нихъ 71, а людей в нихъ 34 человекѣки, обиж 10*** (НПК II, с. 702]. На наш взгляд, их 71 двор вряд ли въ 2 починкахъ “расположено лишь два”. Таким образом, и в *деревнях*, и в *починках* могло быть по одному и более дворов. Следовательно, по признаку “количество дворов” нельзя строго дифференцировать значения лексем *деревня* и *починокъ*. *Починокъ* – “новый населенный пункт с обрабатываемыми угодьями”, а *деревня* – расчищенная от леса

обрабатываемая земля с селением”. *Починокъ*, в предложенных значениях, – новое селение. Признак временной дифференциации указывает на сравнительную новизну *починка* – нового населенного пункта с обрабатываемыми угодьями, на более поздний срок его образования по сравнению с *деревней*, что является одним из разграничителей значений этих лексем.

В конструкциях *деревня* и *пустошь*, слово *пустошь* означает “незаселенная земля” [19, II, 1730], “угодье, чаще лес на месте бывшего когда-то селения” [8, с. 288]. Лексема *пустошь* в сочетании с лексемой *деревня* зафиксирована нами в значениях, не отмеченных в указанных лексикографических трудах: *пустошь* – незаселенная обрабатываемая земля, в то время, как *деревня* – заселена, в ней есть пашня, сенокосное угодье. Доказательством тому, что *пустошь* – “незаселенная обрабатываемая земля”, могут послужить примеры из новгородских памятников письменности: ***Пустошь Залужье: пашут ее христиане наѣдомъ, сѣютъ ржи 4 коробы, а сѣна косятъ 20 копенъ, обжа*** (НПК II, с. 488); ***Пустошь Новина: писана была деревнею, двема обжами, а земли под нею на обжу*** (НПК II, с. 459); ***Пустошь Хохулино: писана была деревнею да обжею, а земли под нею на пол-обжы*** (НПК II, с. 459). Видимо, кроме дифференциального признака “незаселенность”, в значении лексем *деревня* и *пустошь* существует дифференциальный признак “размер обрабатываемого участка земли”. Судя по приведенным примерам, *деревня* больше *пустоши*.

Лексема *пустошь* в сочетаниях с лексемой *деревня* могла иметь значение “запустевшая земля”: ***Въ Дѣмонѣ жъ великого князя пустошь Шарино Андрѣевская жъ Оникеева: писана была четьрма обжами и съ того запустѣла. И нынчѣ та пустошь на лготу на три годы Ивашку Фурсову*** (НПК II, с. 502); ***Пустошь Нестерово не пахана и лѣсомъ поросла*** (НПК II, с. 63).

В сочетаниях *деревня* и *село (сельцо) село* – разновидность поселения [8, 316], а *сельцо* – селение; угодье; имение [там же, 319]. В наших материалах лексема *село* отмечена в значении “обрабатываемая земля с селением и с церковью”. Значение “селение с церковью” прочно закрепилось, согласно традиции, за лексемой *село*. Л. П. Кислик, исследуя документы северо-восточной Руси, отмечает пример использования лексемы *деревня* как селения с церковью: “купил деревню, а в ней есть церковь” и квалифицирует его “как зарождающуюся местную традицию к неразличению лексико-семантических вариантов лексем *деревня* и *село*” [6, с. 102]. В исследованных нами материалах лексема *деревня* с семантикой “селение с церковью” не обнаруживается.

Наличие или отсутствие церкви в *селе* (с обрабатываемой землей) или в *деревне* (с обрабатываемой землей), на наш взгляд, может являться дифференциальным признаком в значениях этих лексем: ***Белцо Березовець:***

а въ немъ церковь Никола Велики, дв. попъ Офанасий, не пашет. Въ селцѣ же дв. Васюковъ, а въ немъ самъ живетъ, сѣютъ ржи 3 коровьи, сѣна косятъ 20 копенъ, обжа (НПК II, с. 255); А по новому писму 2 села, а дворовъ въ нихъ 27, а людей 30 человекъ, обжа 27, соха без трети (НПК II, с. 952); Селцо Чернычевичи: а въ немъ церковь Рождество Святій Богородици; дв. попъ Кузьма, дв. церковный дьяк Феофилатъ, дв. проскурница Олена, не пашутъ (НПК II, с. 123); Селцо Теревуново: а въ немъ церковь Великій Егорей; дв. попъ Микифоръ, дв. церковный дьякъ Гидорикъ, дв. проскурница Матрена, не пашутъ (НПК II, с. 132).

В Переписной оброчной книге Деревской пятины зафиксирован пример использования сочетания лексем *деревня да селище*: *А по новому писму деревень и съ пустою деревнею три селища: а дворовъ в нихъ съ пустымъ 3, а людей а нихъ 2 человека, а обжи 3 (НПК II, с. 29).*

Селище, на основе словарных данных, – “место бывшего села, селения”; “угодье на месте бывшего селения” [8, с. 316]. Из приведенного примера следует, что 2 двора и пустой двор расположены в 2-х деревнях и в пустой деревне. Следовательно, в селище дворов нет, поэтому мы склонны считать, что *селище* здесь – “угодье на месте бывшего селения”. Таким образом, в отличие от *деревни* – *селище* не заселено.

Термин *деревня* являлся в ряде субстантивных словосочетаний стержневым. Так, составное наименование *вопчая деревня* имело значение “деревня, земля которой была разделена на части между ее владельцами”: *В вопчей деревнѣ в Ондръевичахъ, на Ёскинѣ четверти Ермолина Овцына своеземцева: дв. самъ Ёска, а подворникъу него дв. Якумъ, сѣетъ ржи пол а 3 коровьи, сѣна косятъ 10 копенъ, обжа (НПК II, с. 122); Въ Локотцкомъ же погостѣ въ вопчихъ деревняхъ не великого князя жеребеяхъ <...> сѣютъ ржи четыре коровьи, а сѣна (косятъ) тридцать копенъ, двѣ обжи (НПК II, с. 67).*

В исследуемом материале выявлены субстантивные словосочетания, называющие типы деревень по их владельцу: *деревня: архимандричья, великого князя, владычья, владычья діака пѣвчего, монастырская, монастыря, за помещики, своеземцова (своеземець – мелкий землевладелец в Новгородском государстве [8, с. 315], за христианы, церковная и др.*

Отмечается использование лексемы *деревня* в качестве топонимического наименования: *Д. Деревня: дв. Олешко Игнатовъ, дв. копенъ, 2 обжи (НПК II, с. 373).*

В новгородских памятниках письменности встречается также деминутив *деревенька*. Приведем пример из Отводной Кириллову монастырю на деревню Петроковскую 1448–1468 гг.: *Се язъ Григорен Львов сынъ, что далъ есмь пустошь, деревеньку въ Кивоице Петроковскую, въ домъ Пречистой Богородици в Кириловъ монастырь*

(АЮ, 139, XV в.). Считаем, что здесь лексема *деревенька* используется в значении “незаселенная обрабатываемая земля”. Примеры использования деминутива *деревенька* и анализа его значения отмечены в работе Н. С. Бондарчук [2, с. 105]. Н. С. Бондарчук считает, что в предложении “*те деревеньки стоят пусты, а не пашет их никто*”, лексема *деревенька* представлена в значении “пахотная земля”. Л. И. Кислик [6, с. 103] высказывает свое несогласие с употреблением лексемы в предложенном значении, считая, что здесь *деревенька* “обрабатываемое угодье с селением”. На наш взгляд, лексема *деревенька* в приведенном примере и в примере из работы Н. С. Бондарчук используется в значении “незаселенная пригодная для обработки земля”, поскольку *деревенька пуста*, следовательно, в ней никто не живет. Возможно, эта земля обрабатывается наездом.

В современных русских говорах слово *деревня* в значении “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос” почти вышло из употребления. В онежских говорах она встречается, главным образом в песнях, пословицах поговорках: *У милого за двором есть деревня – чернозем*. *Наша деревня не клином вышла*.

В современном русском литературном языке одним из значений полисемичной лексемы *деревня* является, как отмечает БАС [18, т. 3, 711], “поселение, жители которого занимаются преимущественно сельским хозяйством”.

Таким образом, слова в составе рассматриваемой лексико-семантической группы, на наш взгляд, характеризуют определенный момент становления земледельческой терминологии – накопление лексических средств, что характерно для всей системы языка анализируемого периода. Названия участков земли, расчищенных под пашню или сенокос, вступают в родо-видовые отношения с лексемой *земля*, называющей любой “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”.

Л и т е р а т у р а :

1. *Алексеев Ю. Г.* Исследование по истории феодально-крепостнической России / Юрий Георгиевич Алексеев. – М.–Л., 1964. – 286 с.
2. *Бондарчук Н. С.* Лексика северодвинских грамот XIV–XV вв. : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Н. С. Бондарчук. – М., 1954. – 198 с.
3. *Гейман В. Г.* Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / под ред. В. Г. Геймана. – Петрозаводск, 1941. – 64 с.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
5. *Ефименко А. Я.* Исследование народной земли / Анна Яковлевна Ефименко. – М., 1884. – 386 с.

6. *Кислик Л. И.* Земледельческая лексика в памятниках деловой письменности XIV–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Л. И. Кислик. – М., 1975. – 178 с.
7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории / Василий Осипович Ключевский. – М., 1912. – 1146 с.
8. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.–Л., 1937. – 256 с.
9. *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования централизованного государства (конец XIII – начало XVI вв.) / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.–Л. : Наука, 1965. – 346 с.
10. *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Герман Илларионович Куликовский. – СПб., 1898.
11. *Ларин Б. А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. / Борис Александрович Ларин. – Рига, 1948. – 236 с.
12. *Михайлова Л. П.* Из истории русской земледельческой терминологии на территории Карелии / Л. П. Михайлова // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. – Петрозаводск, 1981. – С. 164–165.
13. Опыт областного великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова и А. М. Коркунова. – СПб., 1852.
14. *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка: Этимологические и другие заметки / Александр Афанасьевич Потебня. – Харьков, 1883.
15. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / Александр Григорьевич Преображенский. – М., 1910–1916.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. – М.–Л., СПб. : Наука, 1965–2010.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
19. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / Измаил Иванович Срезневский. – СПб., 1893–1903.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М., 1964–1973.

R e f e r e n c e :

1. *Alekseyev Yu. G.* Issledovaniye po istorii feodalno-krepostnicheskoy Rossii [Study on the history of feudal serf Russia] / Yuriy Georgiyevich Alekseyev. – М.–Л., 1964. – 286 с.
2. *Bondarchuk N. S.* Leksika severodvinskikh gramot XIV–XV vv. [Vocabulary of Severodvinsk letters of the XIV–XV centuries] : dis. ... kandю filol. nauk : spets. 10.02.01 “Russkiy yazyk” / N. S. Bondarchuk. – М., 1954. – 198 с.
3. *Geyman V. G.* Materialy po istorii Karelii XII–XVI vv. [Materials on the history of Karelia of the XII –XVI centuries] / Pod red. V. G. Geymana. – Petrozavodsk, 1941. – 64 с.

4. *Dal V. I.* Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] / Vladimir Ivanovich Dal. – M. : Russkiy yazyk, 1978–1980.
5. *Yefimenko A. Ya.* Issledovaniye narodnoy zemli [Study of the People's Land] / Anna Yakovlevna Yefimenko. – M., 1884. – S. 183–381.
6. *Kislik L. I.* Zemledelcheskaya leksika v pamyatnikakh delov oy pismennosti XIV–XVII vv. [Agricultural vocabulary in the monuments of business writing XIV–XVII centuries]: dis. ... kand. filol. nauk: spets. 10.02.01 “Russkiy yazyk” / L. I. Kislik. – M., 1975. – 178 s.
7. *Klyuchevskiy V. O.* Kurs russkoy istorii [The course of Russian history] / Vasiliy Ósipovich Klyuchevskiy. – M., 1912. – 1146 s.
8. *Kochin G. Ye.* Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rusi [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia] / Georgiy Yevgenyevich Kochin. – M.–L., 1937.
9. *Kochin G. Ye.* Selskoye khozyaystvo na Rusi v period obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva (konets XIII – nachalo XVI vv.) [Agriculture in Russia in the period of the formation of a centralized state, the end of the XIII – the beginning of the XVI century] / Georgiy Yevgenyevich Kochin. – M.–L. : Nauka, 1965.
10. *Kulikovskiy G. I.* Slovar oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii [Dictionary of the Olonets regional dialect in its everyday and ethnographic application] / German Illarionovich Kulikovskiy. – SPb., 1898.
11. *Larin B. A.* Parizhskiy slovar moskovitov 1586 g. [Paris dictionary of Muscovites 1586] / Boris Aleksandrovich Larin. – Riga, 1948.
12. *Mikhaylova L. P.* Iz istorii russkoy zemledel'cheskoy terminologii na territorii Karelii [From the history of Russian agricultural terminology in the territory of Karelia] / L. G. Mikhaylova // Aktualnyye problemy dialektologii i istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka. – Petrozavodsk, 1981. – S. 164–165.
13. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya [Experience of the regional Great Russian dictionary] / Pod red. A. Kh. Vostokova i A. M. Korkunova. – SPb., 1852.
14. *Potebnya A. A.* K istorii zvukov russkogo yazyka [On the history of the sounds of the Russian language] / Aleksandr Afanasyevich Potebnya. – Kharkov, 1883.
15. *Preobrazhenskiy A. G.* Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / Aleksandr Grigoryevich Preobrazhenskiy. – M., 1910–1916.
16. Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vyp. 1–43. – M.–L., SPb. : Nauka, 1965–2010.
17. Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. – M. : Nauka, 1975.
18. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]: v 17 t. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1905–1965.
19. *Sreznevskiy I. I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the old Russian written language Monuments]: v 3 t. / Izmail Ivanovich Sreznevskiy. – SPb., 1893–1903.
20. *Fasmer M.* Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Russian Language]: v 4 t. / Maks Fasmer. – M., 1964–1973.

Археографические источники :

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии : в 3 ч. // РИБ. – СПб., 1890.

АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией. – СПб., 1838.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.–Л., 1949.

ИЛ – Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. Изд. 1-е. – СПб., 1843.

НПК I – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. I / Переписная оброчная книга Деревской пятины. Около 1495 г., первая половина. – СПб., 1859.

НПК II – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 2 / Переписная оброчная книга Деревской пятины, до 1495 г., вторая половина. – СПб., 1862.

НПК III – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 3 / Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. – СПб., 1868.

Стась Т. В. Назви угідь, розчищених під ріллю або сінокіс, пов'язані з викоріненням пнів і чагарників.

Стаття присвячена одній з актуальних проблем історичної лексикології – лексико-семантичному аналізу термінологічної системи, що функціонувала у XIV–XVI ст. У полі зору знаходиться комплекс питань, які висвітлюють процес формування лексики землеробства та сінокосіння в генетичному, семантичному та функціональному аспектах. У науковий обіг вводяться факти лексики і топонімії, що дозволяють розширити уявлення про роль і значення сільськогосподарської термінології, дається їх характеристика з точки зору походження та функціонування на різних етапах розвитку російської мови.

Ключові слова: історична лексикологія, лексико-семантична група, предметно-логічне значення слова, полісемія, варіативність компонентів.

Stas T. V. Names of land cleared for arable land or haymaking associated with uprooting stumps and shrubs.

The article is devoted to one of the urgent problems of historical lexicology, lexico-semantic analysis of a terminological system that functioned in the framework of the XIV–XVI centuries. Its purpose is to characterize the methods of nominating plots of arable and haymaking land in the territory of North-Western Russia of the XIV–XVI centuries. In the field of view is a set of issues highlighting the process of the formation of vocabulary of tillage and haymaking in the genetic, semantic and functional aspects. Facts of vocabulary and toponymy are introduced into scientific circulation, allowing to broaden the understanding of the role and importance of agricultural terminology, their characteristics are given in terms of origin and functioning at various stages of development of the Russian language. The the words combined in this lexico-semantic group are synonymous: they are used to denote the same concept and are close or identical in meaning. Their diversity characterizes a certain moment in the formation of agricultural terminology – the accumulation of lexical means, which is characteristic of the entire language system of the analyzed period.

Keywords: historical lexicology, lexico-semantic group, subject-logical meaning of a word, polysemy, variability of components.